УДК 343.34(470)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2020-1/142-153

Ю. В. Надточий¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: nadtochiy.yuv@dvfu.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ПЕНАЛИЗАЦИИ И ДЕПЕНАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В представленной научной работе анализируются все изменения санкций норм главы 26 УК РФ «Экологические преступления», внесённые законодателем с момента принятия действующего уголовного кодекса Российской Федерации по настоящее время, а также изменения медианы санкций по наиболее строгому виду наказания – лишению свободы на определённый срок – в каждой части каждой статьи составов рассматриваемых преступлений. Проведённое по данной методике исследование позволило наглядно продемонстрировать изменения оценки законодателем степени общественной опасности конкретных экологических преступлений на протяжении всего периода действия УК РФ, выявить расхождения в её оценке между смежными составами, а также в соотношении основного и квалифицированного составов. Кроме того, сделан вывод о том, что, несмотря на общую тенденцию к гуманизации и ослаблению уголовной репрессии, на сегодняшний день в рассматриваемой сфере наблюдается перевес пенализационных процессов над депенализационными, за счёт повышенного законодательного интереса к так называемым составам браконьерства.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, пенализация, депенализация, экологическая безопасность, экологические преступления, наказуемость, санкция, уголовный кодекс, общественная опасность, составы преступлений, глава 26 УК РФ.

¹ Юлия Викторовна Надточий, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Надточий Ю. В. Основные тенденции уголовно-правовой политики России в сфере экологической безопасности: проблемы пенализации и депенализации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 1. С. 142–153.

Julia V. Nadtochiy¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: nadtochiy.yuv@dvfu.ru

MAIN TRENDS IN THE CRIMINAL LAW POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN ENVIRONMENTAL SAFETY: THE PROBLEMS OF PENALIZATION AND DEPENALIZATION

Abstract. The present research work reviews all changes in the sanctions of the norms of Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation “Environmental Crimes”, introduced by the legislator from the moment of adoption of the current criminal code of the Russian Federation until the present time, as well as the changes in the median of sanctions for the most severe form of punishment – imprisonment for a fixed term in each part of each article that constitutes the crimes under consideration. The study that was carried out by using this methodology made it possible to clearly demonstrate the changes in the legislator’s assessment of the degree of public danger of specific environmental crimes throughout the entire period of the Criminal Code of the Russian Federation, to reveal the discrepancies in its assessment between adjacent structures, as well as in the ratio of basic and qualified personnel. In addition, it was concluded that, despite the general trend towards humanization and the weakening of criminal repression, today in the area under consideration there is a preponderance of penalization processes over the depenalization ones, due to the increased legislative interest in the so-called poaching compositions.

Keywords: criminal law policy, penalization, depenalization, environmental safety, environmental crimes, punishability, sanction, criminal code, public danger, corpus delicti, chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Говоря об уголовно-правовой политике России в целом, отметим, что, по справедливому мнению большинства отечественных правоведов, она на глазах регрессирует и находится в стадии кризиса, её состояние на сегодняшний день характеризуется наличием отдельных идей, неких векторов в развитии стратегии и тактики борьбы с преступностью, спонтанно возникающих директив, которые исходят от властных структур и весьма противоречиво и непоследовательно реализуются в

¹ Julia V. Nadtochiy, PhD, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Nadtochiy J. V. Main trends in the criminal law policy of the Russian Federation in environmental safety: problems of penalization and depenalization // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No 1. P. 142–153.

действительности; десистематизацией уголовного закона, которые стали результатом бесконечной череды изменений и дополнений, внесённых законодателем в Уголовный кодекс (УК) РФ [1, с. 247; 2, с. 234]. Не является исключением и политика в сфере экологической безопасности.

Особенно наглядны изъяны уголовно-правовой политики именно в сфере законотворчества. С тем, чтобы убедиться, что это действительно так, мы проследили и проанализировали пенализационные и депенализационные процессы, благодаря которым репрессия должна постоянно приводиться в соответствие с реалиями социальной действительности, адекватно отражать в себе характер и степень общественной опасности совершаемых преступлений.

Не замахиваясь на уголовно-правовую политику в целом, мы коснулись лишь сферы экологической безопасности и, соответственно, нашему пристальному вниманию подверглись санкции статей гл. 26 «Экологические преступления» Особенной части действующего УК РФ в каждой его редакции (начиная с первоначальной до настоящего времени). Мы также рассчитали медиану санкций по такому виду наказания, как лишение свободы на определённый срок, по каждой части каждой статьи рассматриваемых преступлений по всем редакциям УК РФ, которая рассчитывалась как среднее арифметическое между нижним и верхним пределами санкции статьи.

Отметим, что целью исследования было выявление соразмерности изменения меры наказания в преступлениях различной степени общественной опасности, наглядная демонстрация изменения оценки законодателем степени общественной опасности конкретных экологических преступлений, а также соотношения медианы санкций основного и квалифицированного составов.

Для целей исследования мы разделили все экологические преступления, находящиеся в главе 26 УК РФ, на группы согласно общепризнанной классификации деления их по признаку объекта посягательства – на общие, т.е. посягающие на окружающую среду в целом, и специальные, т.е. посягающие на отдельные компоненты природной среды. Примечательно то, что тенденции в этих группах оказались различными, а точнее – прямо противоположными, в чём мы далее убедимся.

Итак, среди общих экологических преступлений, куда традиционно относятся ст.ст. 246–249 УК РФ, прослеживается тенденция ослабления уголовной репрессии, наблюдается преобладание депенализационных процессов над пенализационными, которые начались с 2003 г. (34 случая депенализации на 6 случаев пенализации за весь период действия УК РФ 1996 г.).

Основные, так сказать, показательные, «пиковые» годы, где наблюдалась большая интенсивность депенализационных процессов, это 2003 г. [3; 4], когда, как известно, штрафы были переведены из МРОТ в абсолютные цифры, что привело к изменениям всех санкций статей Особенной части УК РФ, в том числе и гл. 26 (14 фактов депенализации на 1 – пенализации), и 2011 г., когда проводилась ре-

форма системы наказаний, направленная на либерализацию уголовного законодательства, в результате которой практически повсеместно были убраны нижние пределы наказаний в виде лишения свободы в санкциях основных составов преступлений Особенной части УК РФ [4], который, далее, ознаменовался включением в систему наказаний (ст. 44 УК РФ) нового вида наказания – принудительные работы и, как следствие, добавлением его в санкции отдельных статей Особенной части УК РФ в качестве одного из альтернативных видов наказаний [5], что не обошлось вниманием и санкции статей экологических преступлений и привело к смягчению их наказуемости (14 фактов депенализации на 5 – пенализации). Отметим, что обозначенные процессы коснулись и иных составов экологических преступлений, однако в ряде случаев это нивелировалось за счёт одновременных изменений санкций в сторону усиления наказаний, т.е. пенализации, о чём будет сказано далее.

Данная тенденция подтверждается и показателями медианы санкций рассматриваемых норм. Так, по ст.ст. 248, 249 УК РФ в 2003 г. произошло уменьшение этих показателей в обеих частях, т.е. как по основным, так и по квалифицированным составам. При этом в ст. 248 УК РФ сокращение по ч. 2 (квалифицированный состав) оказалось более значительным – на 1 г. и 6 мес., чем по ч. 1 (основному составу) – всего на 6 мес., в результате чего разрыв в законодательной оценке степени общественной опасности между основным и квалифицированным составами существенно сократился. Что же касается ст. 249 УК РФ, то тенденция гуманизации привела к тому, что в том же 2003 г. из ч. 2 вообще исключен такой вид наказания, как лишение свободы, что совершенно не поддается никакой логике, ведь в ч. 1 речь идёт о нарушении ветеринарных правил, а в ч. 2 – о нарушении правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений (т.е. в первом случае страдает животный мир, а во втором – растительный), при этом и в том, и в другом случае для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо наличие тяжких последствий, понятие которых в УК РФ не раскрывается, а соответственно является оценочным. Как разъясняется в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», это могут быть, в частности, такое ухудшение качества окружающей среды и её компонентов, устранение которого требует длительного времени и больших финансовых затрат, массовые заболевания или уничтожение объектов животного и растительного мира, повлекшее существенное сокращение численности (биомассы) указанных объектов и т. п. [6]. Соответственно данные законодательные коррективы нам представляются необоснованными.

В санкции ст. 247 УК РФ снижение медианы произошло чуть позже, в 2011 г., и лишь по ч. 3 (особо квалифицированный состав), предусматривающей причинение по неосторожности смерти человеку или массовое заболевание людей,

и тем самым также сокращён разрыв в степени общественной опасности квалифицированного и особо квалифицированного составов, а вот санкция ст. 246 УК РФ в части лишения свободы осталась неизменной.

К этой группе мы отнесли и ст. 262 УК РФ «Нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов», относительно которой в теории уголовного права нет однозначной позиции. Ряд учёных предлагают считать этот состав общим [см., например: 7, с. 47–48; 8, с. 8–9], другие – специальным [см., например: 9, с. 534]. Мы посчитали целесообразным рассмотреть его в группе общих экологических преступлений, так как нарушение режима, о котором идёт речь в диспозиции нормы, может затронуть любой компонент природной среды и, соответственно, причинить ему ущерб, тем более что законодатель данному составу уделяет не слишком большое внимание, ведь за всю историю существования и действия УК РФ санкция статьи менялась лишь 4 раза в рамках общей реформы системы наказаний (к слову сказать, диспозиция не менялась вообще), при этом нами зафиксировано два акта пенализации (2003 и 2011 гг.) и два – депенализации (2010 и 2011 гг.), медиана же всё это время оставалась стабильной.

Далее перейдём к специальным экологическим преступлениям – ст. ст. 250–261 УК РФ. Это довольно большая группа, внутри которой обычно выделяют подгруппы в зависимости от непосредственного объекта и вида предмета посягательства. Большинство специалистов (хотя здесь нет единства мнений) предлагают выделять преступления, посягающие на общественные отношения в области охраны земли и недр; преступления, посягающие на общественные отношения в области охраны животного мира; преступления, посягающие на общественные отношения в области охраны растительного мира; преступления, посягающие на общественные отношения в области охраны вод и атмосферы.

С учётом специфики нашего исследования мы укрупнили группы, сформировав два блока, в зависимости от непосредственного объекта, предмета и способа посягательства, а именно:

- преступления, посягающие на общественные отношения в области охраны земли, недр, вод и атмосферы, связанные с загрязнением этих природных объектов (ст. ст. 250–252, 254, 255 УК РФ);

- преступления, посягающие на общественные отношения в области охраны животного и растительного мира, связанные с изъятием или уничтожением живых ресурсов (ст. 253, ст. ст. 256–261 УК РФ).

Относительно ст. 253 УК РФ «Нарушение законодательства РФ о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне РФ» следует сделать оговорку. Несмотря на то, что в ч. 1 обозначенной статьи речь идёт о различных видах незаконной хозяйственной деятельности на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне РФ, а не о вреде животным и растениям, мы считаем нецелесооб-

разным разбивать данный состав на части и рассматривать в разных группах, как это предлагается учёными. Мы его отнесли ко второму блоку, так как, по нашему мнению, всю статью следует рассматривать как единое целое, тем более, что ч. 3 (квалифицированный состав), введённая в УК РФ в 2018 г., распространяет своё действие на обе части, а практически вся практика, имеющаяся по данной статье, как раз касается разработки и добычи природных ресурсов континентального шельфа и исключительной экономической зоны РФ (ч. 2). Относительно же ч. 1 ведутся бурные дискуссии, касательно её «экологичности» и места нахождения в рассматриваемой главе, но это уже выходит за рамки нашего исследования.

Итак, что касается преступлений, посягающих на общественные отношения в области охраны земли, недр, вод и атмосферы, связанных с загрязнением этих природных объектов (ст. ст. 250–252, 254, 255 УК РФ), то здесь наблюдаются тенденции, схожие с первой группой (общими экологическими преступлениями), а именно преобладание депенализационных процессов над пенализационными, основная масса которых пришлась как раз на обозначенный выше 2011 г. (33 против 16) и снижение медианы санкций во всех составах. При этом такое снижение произошло лишь единожды в 2003 г. по всем квалифицированным и особо квалифицированным составам всех статей и в равных пропорциях – на 6 мес. в частях вторых и на 11 мес. в частях третьих, что безусловно является позитивным моментом, ведь все обозначенные составы имеют схожие квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки, в частности вред здоровью человека и природным ресурсам, причинение по неосторожности смерти потерпевшему, а соответственно и степень их общественной опасности равна. Что же касается основных составов, то в них всё осталось без изменений, так как такой вид наказания, как лишение свободы, в них не фигурирует и не фигурировал вовсе. Исключение в данной группе составляет ст. 255 УК РФ «Нарушение правил охраны и использования недр», которая не имеет квалифицированных составов и где отмечено равенство рассматриваемых процессов (по два акта пенализации и депенализации) и стабильность медианы в связи с отсутствием в санкции лишения свободы как вида наказания.

Далее мы переходим к наиболее интересным и самым применяемым на практике преступлениям, посягающим на общественные отношения в области охраны животного и растительного мира, связанным с изъятием или уничтожением живых ресурсов (ст. 253, ст. ст. 256–261 УК РФ). И здесь уже картина кардинально меняется на прямо противоположную.

Мы видим общую тенденцию на усиление уголовной репрессии, т.е. в данной группе значительно преобладают процессы пенализации над депенализацией (104 против 46). При этом лидером в рассматриваемых процессах является ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений», где зафиксировано 34 случая пенализации и 11 – депенализации. Что интересно, всего в санкцию статьи вносились из-

менения 17 раз, шестью законами, так же, как и в санкцию ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча водных биологических ресурсов», однако самих актов пенализации в ней практически в два раза больше.

Стоит обозначить, что основная интенсивность пенализационных процессов здесь пришлась на 2003 (15), 2014 (16) и 2018 (17) годы. При этом законодатель начал вносить свои коррективы, направленные на усиление наказания, с составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за посягательства на лесные ресурсы. Все 16 актов пенализации, произошедшие в 2014 г., коснулись лишь двух составов, посвящённых охране леса, – ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений» и ст. 261 УК РФ «Уничтожение или повреждение лесов».

Исключение в данной группе составляет ст. 259 УК РФ «Уничтожение критических местообитаний для организмов, занесённых в Красную книгу РФ». Из трёх внесённых за весь период действия УК РФ изменений в санкцию (диспозиция не менялась), мы видим 4 акта депенализации и 1 – пенализации. При этом данное преступление отнесено законодателем к категории преступлений небольшой тяжести, так как максимальное наказание, предусмотренное законом, – это лишение свободы до трёх лет. И это при том, что в статье речь идёт не просто о гибели животных, занесённых в Красную книгу, а об уничтожении мест их обитания и гибели сразу нескольких популяций этих организмов. Данный состав, на наш взгляд, вообще ущербный с точки зрения юридической техники, не поддающийся никакой логике построения и смысловой доступности и, как следствие, не применяемый на практике. Мы об этом уже неоднократно писали в своих работах [10, с. 119]. Соответственно мы и рекомендовали, и рекомендуем исключить его из УК РФ.

Что касается медианы санкций данной группы преступлений, то мы также наблюдаем общую тенденцию на увеличение её показателей, однако здесь не всё однозначно. Рассмотрим отдельные составы преступлений.

Так, в ст. 253 УК РФ медиана увеличилась только в 2018 г., за счёт введения в санкции обеих частей (основные составы) такого вида наказания, как лишение свободы. До этого момента самым строгим наказанием, фигурировавшим в санкциях, были исправительные работы. Примерно то же можно сказать относительно санкции ст. 258 УК РФ «Незаконная охота», в ч. 1 которой в этом же году введено лишение свободы на срок до двух лет, а вот по ч. 2 (квалифицированный состав), предусматривающей совершение указанного преступления лицом с использованием своего служебного положения либо группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, либо с причинением особо крупного ущерба, произошёл значительный скачок, а именно – увеличение средних показателей практически в четыре раза. Здесь также стоит упомянуть, что ч. 3, содержащая те же признаки, за исключением особо крупного ущерба, появилась в 2018 г. и в ст. 253 УК РФ, о которой мы говорили выше. При этом степень общественной опасности ква-

лиффицированных составов этих двух преступлений законодатель признал равной, что, по нашему мнению, совершенно справедливо. Соответственно мы видим, что законодатель не просто подчеркнул, но и значительно усилил общественную опасность рассматриваемых преступлений.

В ст. 256 УК РФ, о которой мы уже упоминали, увеличение началось чуть ранее, в 2016 г., когда в основные составы (ч. ч. 1, 2) также ввели лишение свободы на срок до двух лет. В том же году произошло увеличение медианы и по квалифицированному составу (ч. 3), содержащему такие же признаки, как и в ч. 2 ст. 258 УК РФ, но менее значительное, лишь в 2 раза, т.е. по неизвестной нам причине законодатель оценивает данный квалифицированный состав незаконной добычи водных биологических ресурсов как менее опасный в сравнении с незаконной охотой при тех же обстоятельствах, что никак не согласуется с правилами построения санкций, которые должны быть криминологически обоснованы, в частности соответствовать характеру и степени общественной опасности деяний.

Статья 258.1 УК РФ «Незаконная добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесённым в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ» является относительно новой (введена в УК РФ в 2013 г.), и с этого периода показатели медианы не менялись. Видимо законодатель изначально зафиксировал, по его мнению, должный уровень общественной опасности соответствующих преступлений. Однако, в связи с ростом показателей по иным составам, связанным с незаконной добычей живых ресурсов, и, соответственно, сокращением разрыва, в ряде случаев значительным, в степени общественной опасности между ними, думается, что на сегодняшний день законодатель всё же недооценивает общественную опасность рассматриваемых преступлений. На наш взгляд, санкция ст. 258.1 УК нуждается в доработке и усилении, так как мы имеем дело не просто с гибелью животных, а с гибелью особо ценных животных, и это должно быть отражено в санкции.

Самой интересной и неоднозначной в рассматриваемом ключе видится ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений». Увеличение средних показателей интенсивности наказания здесь началось ранее всего, с 2001 г., когда ч. 2 (квалифицированный состав) была дополнена наказанием в виде лишения свободы. Далее, в 2008 г., эта тенденция продолжилась, и показатели увеличились по всем частям, в том числе и по основному составу, куда, наконец, внесли лишение свободы в качестве вида наказания. Однако уже в 2011 г. произошло уменьшение рассматриваемых показателей в санкциях квалифицированного и особо квалифицированного составов, и лишь спустя три года, в 2014 г., показатели вновь увеличились по всем частям. При этом отметим, что в итоге в ч.ч. 2 и 3 они стали слегка больше, чем в 2011 г. после уменьшения. Наглядно эти, так сказать, скачки законоотворчества можно увидеть на представленном ниже графике (рис. 1).

Рис. 1. Изменения медианы санкции по ст. 260 УК РФ

И заключительная ст. 261 УК, также посвящённая охране леса, в целом продолжает тенденцию усиления средней шкалы наказуемости. Однако первое, о чём стоит сказать, это резкое уменьшение в 2003 г. медианы в ч. 2, где речь идёт об уничтожении или повреждении лесных насаждений путем поджога, с 5 лет и 6 мес. до 3 лет и 7 мес. Далее, в 2010 г. вместе с дифференциацией (появились квалифицированные составы в обеих частях) мы уже наблюдаем повсеместное увеличение средних показателей, но не до пределов, содержащихся в первоначальной редакции. На сегодняшний день даже в случае умышленного уничтожения или повреждения лесных насаждений с причинением при этом крупного ущерба (ч. 4) средний показатель составляет 5 лет и 1 мес., а при отсутствии такого ущерба (ч. 3) – 4 г. и 1 мес.

Что же касается оставшихся ст. ст. 257, 259 УК РФ, то по ним медиана на протяжении всего периода не менялась.

Здесь стоит обозначить, что данная группа преступлений в последнее время находится в зоне пристального внимания законодателя, в связи с принятием Экологической доктрины РФ (одобрена распоряжением Правительства РФ от 31.08.2002 г.), Основ государственной политики в области экологического развития РФ на период 2030 г. (утв. Президентом РФ 30.04.2012), где к основным направлениям государственной политики в области экологии относится сохранение и восстановление природной среды, а также Стратегии экологической безопасности РФ на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 19.04.2017 г.), где совершенствование законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования закреплено как приоритетное направление [11]. Подчеркнём, что обозначенные документы регламентируют необходимость усиленной охраны, сохранения и восстановле-

ния природной среды в целом, а интенсивные законодательные изменения, как мы успели убедиться, коснулись лишь составов, связанных с истреблением природных ресурсов.

Как видно, несмотря на пристальное внимание законодателя к рассматриваемым составам, изменения в санкции обозначенных норм вносились хаотично и бессистемно, законодатель как бы догонял сам себя, устраняя пробелы и недоработки каждого своих изменений.

В целом, говоря о главе 26 УК РФ, нами выявлены две основные тенденции: уменьшение уголовной репрессии в отношении общих экологических преступлений и преступлений, связанных с загрязнением окружающей среды, и её усиление в отношении составов браконьерства, связанных с охраной животного и растительного мира, которые, к слову сказать, являются самыми применяемыми внутри рассматриваемой главы и составляют основные статистические показатели по главе. Видимо именно поэтому законодатель обращает особое внимание именно на эти нормы, не задумываясь о степени общественной опасности иных экологических преступлений, которая, безусловно, выше, так как там страдает преимущественно не один, а как правило сразу несколько компонентов природной среды, в том числе и сам человек как существо биологическое и находящиеся в связи с природными объектами.

Интересно, что даже несмотря на то, что так называемых «браконьерских» составов насчитывается всего 7 из 18, предусмотренных гл. 26 УК РФ, за счёт повышенной пенализационной активности законодателя в отношении таковых, мы можем констатировать преобладание среди экологических преступлений в целом процессов пенализации над депенализацией, что можно наглядно увидеть из диаграммы (рис. 2).

Рис. 2. Итоговые показатели пенализации и депенализации экологических преступлений

В итоге нашего исследования подчеркнём, что все изменения, вносимые в рассматриваемую главу УК РФ, являются точечными, разрозненными, не согласованными между собой, характеризуются отсутствием системности в законотворческой деятельности, что сказывается на качестве как отдельных уголовно-правовых норм, так и на уголовно-правовой охране природной среды в целом. В целях эффективной охраны окружающей среды необходимо формировать и в дальнейшем последовательно реализовывать единую уголовно-правовую политику в сфере экологической безопасности.

Список литературы

1. Коробеев, А. И. Уголовная политика современной России: состояние и перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3 (35). – С. 247–250.
2. Коробеев, А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография / А. И. Коробеев. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 352 с.
3. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).
4. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 07 марта 2011 г. № 26-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).
5. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).
6. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).
7. Жевлаков, Э. М. Экологические правонарушения и ответственность / Э. М. Жевлаков. – Москва, 1997. – 80 с.
8. Баландюк, В. Н. Экологические преступления: (понятие, виды, классификация) / В. Н. Баландюк. – Омск, 1998. – 71 с.
9. Уголовное право России. Часть Особенная : учебник / под ред. А. И. Рарога. – Москва, 2003. – 704 с.
10. Надточий, Ю. В. Преступления, посягающие на морскую природную среду : монография / Ю. В. Надточий ; под науч. ред. А. И. Коробеева. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – 204 с.

11. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.02.2020).

References

1. Korobeev A.I. *Ugolovnaya politika sovremennoi Rossii: sostoyanie i perspektivy* [The criminal policy of modern Russia: state and prospects]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2016, no. 3 (35), pp. 247–250.

2. Korobeev A.I. *Ugolovno-pravovaya politika Rossii: ot genezisa do krizisa* [The criminal law policy of Russia: from genesis to crisis: monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2019. 352 p.

3. *On introducing amendments and addenda to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 08 December, 2003 No. 162-FZ*. Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 14 February 2020). (In Russian).

4. *On amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 03 March, 2011 No. 26-FZ*. Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 14 February 2020). (In Russian).

5. *On amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 07 December, 2011 No. 420-FZ*. Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 14 February 2020). (In Russian).

6. *On the application by the courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature use: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 18, 2012*. Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 14 February 2020). (In Russian).

7. Zhevlakov E.M. *Ekologicheskie pravonarusheniya i otvetstvennost'* [Environmental offenses and liability]. Moscow, 1997. 80 p.

8. Balandyuk V.N. *Ekologicheskie prestupleniya: (ponyatie, vidy, klassifikatsiya)* [Ecological crimes: (concept, types, classification)]. Omsk, 1998. 71 p.

9. Rarog A.I., ed. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chast' Osobennaya: uchebnik* [The criminal law of Russia. Part Special: textbook]. Moscow 2003. 704 p.

10. Nadtochy Yu.V. *Prestupleniya, posyagayushchie na morskuyu prirodnuyu sredu: monografiya* [Crimes encroaching on the marine environment: monograph]. Vladivostok: Publ. House Far Eastern Univ., 2009. 204 p.

11. *On the Environmental Security Strategy of the Russian Federation for the period until 2025: Decree of the President of the Russian Federation of April 19, 2017 No. 176*. Available at: Reference Legal System ConsultantPlus (accessed 14 February 2020). (In Russian).